

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 30.04.2021
Принята к публикации: 17.08.2021

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. В декабре 2019 г. в г. Ухань (Китай) была зарегистрирована вспышка инфекции коронавируса (SARS-CoV-2), передаваемой воздушно-капельным путем. В середине января вирус был обнаружен в Таиланде и Японии, в марте центр пандемии переместился в Европу, в начале апреля на первое место по числу заражений вышли США. Для борьбы с вирусом многие государства ввели чрезвычайные меры, включающие локдаун, требование социальной дистанции, массовое тестирование и пр. Пандемия повлияла на все сферы общественной жизни, в т. ч. на международные отношения и международное право.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье анализируется реакция на пандемию со стороны государств, организаций и доктрины международного права; рассматриваются международно-правовые аспекты пандемии: применение Международных медико-санитарных правил 2005 г., потенциальная ответственность Китая и других государств, влияние пандемии на права человека. Констатируются проблемы правового регулирования в связи с пандемией и определяются пути их решения. Предметом анализа являются материалы иностранной юридической прессы, прежде всего, посты и статьи в интернете. Помимо данных науки международного права, используются научные категории философии, экономики и политологии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Главные органы ООН отреагировали на пандемию общими заявлениями. ВОЗ позиционировала себя как международный центр борьбы с вирусом и дала рекомендации, которые, однако, не были выполнены государствами, принявшими более мягкие ограничительные меры. Основным документ, которым

руководствовалась ВОЗ, – Международные медико-санитарные правила 2005 г. (ММСП).

Некоторые государства и СМИ обвинили Китай в запоздалой реакции и сокрытии информации, в связи с чем на обсуждение был вынесен вопрос о предъявлении к Китаю иска в Международный Суд ООН. Нормативными основаниями данного иска могли бы стать положения ММСП, Устава ВОЗ и ряд обязательств *due diligence*. Юрисдикционным основанием для обращения в МС ООН может выступать ст. 75 Устава ВОЗ, а в арбитраж – ст. 56 ММСП. Реагируя на пандемию, многие государства ограничили права человека; при этом были сделаны заявления о возможности временного отступления от правозащитных обязательств в чрезвычайной ситуации и ограничения прав человека в интересах национальной безопасности, охраны здоровья и защиты прав других лиц.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В зарубежной доктрине отмечаются недостаточная реакция международных организаций, необходимость реформы ВОЗ и делаются предложения, направленные на расширение полномочий Совета Безопасности ООН в части борьбы с пандемией. Помимо этого, говорится о недостатках ММСП, препятствующих их эффективному использованию. Возможность привлечения Китая к ответственности ставится под сомнение: доказательства соответствующего нарушения являются недостаточными, порог нарушения обязательств *due diligence* высокий, Китай едва ли согласится участвовать в судебном процессе против него. Тем не менее, из пандемии можно вынести несколько уроков для права ответственности (возможность отступления от принципа полной компенсации и др.).

Порядок отступления от правозащитных обязательств в период пандемии также нуждается в уточнении.

В целом международно-правовая доктрина справилась с задачей осмысления феномена пандемии: систематизировала и квалифицировала факты, обнаружила и сформулировала правовые проблемы, как частные, так и общие, предложила пути их решения. Мало кто усомнился в целесообразности столь жесткой глобальной реакции и выступил с радикальной критикой, вместо этого были отмечены недостатки отдельных мер и высказаны предложения, направленные на повышение их эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: COVID-19, международное право, международные организации, международно-правовая ответственность, права человека,

международное экономическое право, международное гуманитарное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толстых В.Л. 2021. COVID-19 и международное право: общие вопросы. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Научное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22.12.2020 г. Номер темы: FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

Vladislav TOLSTYKH

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

Research article
Received 29 April 2021
Approved 17 August 2021

COVID-19 AND INTERNATIONAL LAW: GENERAL ISSUES

INTRODUCTION. *In December 2019, an outbreak of coronavirus infection (SARS-CoV-2) transmitted by airborne droplets was recorded in Wuhan, China. In mid-January, the virus was detected in Thailand and Japan; in March, the center of the pandemic moved to Europe; in early April, the United States came out on top in terms of the number of infections. To combat the virus, many states have introduced emergency measures, including lockdowns, social distance requirements, mass testing, etc. The pandemic has affected all spheres of public life, including international relations and international law.*

MATERIALS AND METHODS. *The article analyzes the response to the pandemic on the part of states, organizations and the doctrine of international law; ex-*

amines the international legal aspects of the pandemic: application of the International Health Regulations 2005, possible responsibility of China and other states, impact of the pandemic on human rights. The problems of legal regulation in connection with the pandemic are defined and the ways of their solution are determined. The subject of analysis is the materials of foreign legal press, first of all, posts and articles on the Internet. In addition to the data of international law, scientific categories of philosophy, economics and political science are used.

RESEARCH RESULTS. *Major UN bodies have reacted to the pandemic with general statements. WHO positioned itself as an international center for the fight against the virus and made recommendations that,*

however, were not implemented by states which adopted more restrictive measures. The main document that guided WHO is the International Health Regulations 2005 (IHR). Some states and the media accused China of a belated reaction and withholding information. As a result, the doctrine has discussed the issue of bringing a claim against China to the International Court of Justice. The legal basis for this claim could be the provisions of the IHR, the WHO Constitution and a number of due diligence obligations. The jurisdictional basis for applying to the ICJ could be Art. 75 of the WHO Constitution, and to an arbitration - Art. 56 IHR. In response to the pandemic, many states have limited human rights; references have been made to the possibility of a temporary derogation from human rights obligations in an emergency and the possibility of limiting human rights in the interests of national security, health and the protection of the rights of others.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The foreign doctrine notes an insufficient response from international organizations and makes proposals aimed at expanding the powers of the UN Security Council in combating the pandemic and at reforming the WHO. In addition, there are shortcomings of the IHR that hinder their effective use. The possibility of holding China accountable is questioned: there is insufficient evidence of the violation; the threshold for breach of due diligence obligations is very high; China is unlikely to agree to participate in the lawsuit against it. Nevertheless, several lessons can be learned for the law of responsibility (the possibility of deviating from the principle of full compensation, etc.).

The procedure for derogating from human rights obligations during a pandemic also needs clarification. In general, the international legal doctrine coped with the task of understanding of the pandemic phenomenon: it systematized and qualified the facts, discovered and formulated legal problems, both private and public, and suggested means to solve them. Few questioned the advisability of such a harsh global reaction and formulated a radical criticism; instead, the shortcomings of individual measures were noted and proposals were made to improve their effectiveness.

KEYWORDS: COVID-19, international law, international organizations, international legal responsibility, human rights, international economic law, international humanitarian law

FOR CITATION: Tolstykh V.L. Covid-19 and International Law: General Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.3. P. 45–62. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-3-45-62>

ACKNOWLEDGMENTS: The scientific research was carried out within the framework of state assignment No. 075-00998-21-00 dated December 22, 2020. Topic number: FSMW-2020-0030 "Transformation of Russian law in the face of great challenges: theoretical and applied foundations".

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Хронология

В декабре 2019 г. в г. Ухань (Китай) была зарегистрирована вспышка инфекции коронавируса (SARS-CoV-2), передаваемой воздушно-капельным путем. Симптомами являются лихорадка, утомление, кашель, аносмия, при осложнениях – пневмония, инкубационный период составляет от двух до 14 дней. Лечение проводится при помощи препаратов, устраняющих симптомы и стимулирующих иммунитет, специальные противовирусные препараты отсутствуют. Предотвратить заболевание можно при помощи профилактики (мытьё рук, ношение

масок, социальная дистанция, дезинфекция поверхностей, изоляция и др.) и вакцинирования. На 16 апреля 2021 г. зарегистрировано 147,8 млн случаев заболевания, 3,12 млн смертей, 125 млн выздоровевших¹ (смертность – около 2 %; наибольшая летальность – среди лиц старше 60 лет (более 80 %) и лиц с серьёзными заболеваниями (сердечно-сосудистые, диабет и др.). Власти Китая уведомили ВОЗ, закрыли рынок морепродуктов в Ухане, предположительно ставший источником инфекции, изолировали больных, провели мониторинг ситуации и объявили карантин в провинции Хубэй. В середине января вирус был обнаружен в Таиланде и Японии; по-

¹ Worldometer. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (accessed 26.04.2021).

сле этого многие государства ввели досмотр в аэропортах. В марте Китай объявил об окончании эпидемии и отменил большую часть ограничительных мер, после этого центр пандемии переместился в Европу, прежде всего, в Италию и Испанию. В начале апреля на первое место по числу заражений вышли США (277 тыс.).

Для борьбы с вирусом многие государства ввели чрезвычайные меры:

- 1) ограничение въезда-выезда в другие страны и регионы;
- 2) объявление нерабочих дней;
- 3) ограничение передвижения (запрет покидать дома, комендантский час и пр.);
- 4) запрет массовых мероприятий;
- 5) закрытие ряда учреждений (магазинов, ресторанов, музеев, учебных заведений и пр.);
- 6) требование социальной дистанции;
- 7) требование ношения масок;
- 8) отслеживание контактов при помощи мобильных приложений;
- 9) массовое тестирование;
- 10) массовое вакцинирование;
- 11) цензура информации о заболевании.

100 государств ввели режим чрезвычайной ситуации (положения). Пандемия вызвала негативные экономические следствия: обвал фондового рынка (снижение объемов торгов и падение индексов); повышение цены золота и гособлигаций; уменьшение объемов валютных резервов; остановку ряда производств, международной авиации, туристического сектора и пр.; падение спроса и цен на энергоносители и др. [Антинуччи 2021:56–64]. Многие секторы экономики и социальной сферы перешли на работу в дистанционном формате. Одновременно улучшилась экологическая ситуация (в част-

ности, снизилась концентрация парниковых газов).

Масштабность и новизна принятых мер, а также неопределенность перспектив борьбы с пандемией, поставили ряд вопросов, касающихся будущего правовых институтов и – в более общем плане – будущего существующей идеологической основы международного права. Многие из этих вопросов обсуждаются в рамках дискуссии, развернувшейся в западной правовой доктрине. Задача данной статьи – познакомить читателя с этой дискуссией.

2. Организация Объединенных Наций

ГА ООН² отреагировала на пандемию довольно общей Резолюцией 74/270 от 2 апреля 2020 г., в которой поддержала центральную роль ООН в борьбе с пандемией, отметила необходимость уважения прав человека, выразила соболезнования семьям и странам, признала медработникам, проявила оптимизм и т. п. СБ ООН, имеющий некоторый опыт признания эпидемий угрозой миру и безопасности³, отреагировал с задержкой, вызванной чувствительностью постоянных членов, прежде всего Китая, к данному вопросу⁴. Только 1 июля 2020 г. он принял Резолюцию 2532 (2020), в которой указал, что обстановка насилия и нестабильности в конфликтных ситуациях может усугублять пандемию, а пандемия, в свою очередь, может усугублять негативное воздействие конфликтов и угрожать поддержанию мира и безопасности. В этой связи он потребовал немедленного прекращения боевых действий во всех ситуациях, фигурирующих в его повестке, и призвал стороны конфликтов сделать гуманитарную

² Здесь и далее используются следующие сокращения: ГА ООН – Генеральная Ассамблея ООН; СБ ООН – Совет Безопасности ООН; ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения; ММСП – Международные медико-санитарные правила; ЧСЗМЗ – чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение; МС ООН – Международный Суд ООН; КМП – Комиссия международного права.

³ В Резолюции 2177 (2014) СБ ООН признал угрозой миру и безопасности вспышку вируса Эбола в Африке и призвал власти Либерии, Сьерра-Леоне и Гвинеи ускорить создание механизмов для борьбы с заболеванием, устранить его негативные социальные последствия; третьи государства – поддерживать транспортные связи и предоставить помощь пострадавшим странам; все государства – выполнять рекомендации ВОЗ. На принятие резолюции повлияли быстрое распространение вируса, высокая смертность, слабость национальных систем здравоохранения и угроза постконфликтному миростроительству в регионе. См.: Svicevic M. COVID-19 as a Threat to International Peace and Security: What place for the UN Security Council? – *EJIL Talk!* March 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-as-a-threat-to-international-peace-and-security-what-place-for-the-un-security-council/> (accessed 26.04.2021). См. также Резолюцию СБ ООН 2439 (2018). Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/2439\(2018\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2439(2018)) (дата обращения: 26.04.2020).

⁴ Gupta S. UNSC won't discuss COVID-19; China blocks it with help from Russia, South Africa. – *Hindustan Times*. March 27, 2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/uns-won-t-discuss-covid-19-china-blocks-it-with-help-from-russia-south-africa/story-qLYgAv6DMtfzPxBalO2kiO.html> (accessed 26.04.2021).

паузу как минимум на 90 дней, чтобы обеспечить доставку гуманитарной помощи и медицинскую эвакуацию⁵.

Принятие Резолюции подняло вопрос о возможных формах реакции СБ ООН (помимо обычных требований прекращения огня, предоставления гуманитарных коридоров и пр.). Отмечается, что СБ ООН мог бы взять функцию глобальной координации и введения в обязательном порядке тех мер, которые ВОЗ может только рекомендовать: закрытие границ, оказание помощи, борьба с дезинформацией, распространение вакцины⁶.

Вместе с тем секьюритизация пандемии (т. е. ее описание в терминах права безопасности) была подвергнута критике: язык войны способствует проявлению этно-националистических чувств и подрывает дух сотрудничества; унижает индивидов, которые не подчиняются правилам; оживляет дискуссию об использовании технологий контроля и слежки; нормализует смерти («цена войны»); вводит ограничения; усиливает исполнительную власть, легализует и нормализует чрезвычайные меры. Применительно к пандемии метафора войны не предполагает ответственного субъекта – единственный выход состоит в признании таким субъектом природы в целом, что, в свою очередь, усугубляет отчуждение от нее⁷.

Реакция главных органов ООН, таким образом, выглядит недостаточно четкой и эффективной, что связано как с непредвиденным характером угрозы, так и с недостаточностью существующего инструментария. Однако широкая

реформа ООН едва ли возможна в ближайшее время – этому препятствуют разногласия постоянных членов, в т. ч. и по вопросам борьбы с пандемией.

3. Всемирная организация здравоохранения

ВОЗ позиционировала себя как международный центр борьбы с вирусом. 30 января 2020 г. она объявила ЧСЗМЗ и рекомендовала следующие меры:

- 1) все страны должны принимать обоснованные решения; не рекомендуются ограничения на торговлю и поездки;
- 2) необходимо поддерживать страны со слабой системой здравоохранения;
- 3) необходимо ускорить разработку вакцин, лекарств и средств диагностики;
- 4) необходимо бороться с дезинформацией;
- 5) следует проанализировать планы обеспечения готовности, выявить пробелы и оценить ресурсы;
- 6) следует обеспечить обмен данными и опытом;
- 7) следует объединить усилия всех стран⁸.

11 марта ВОЗ объявила пандемию. 18-19 мая 2020 г. прошла сессия Ассамблеи ВОЗ в формате *online*, на которой 140 государств поддержали Резолюцию «Борьба с COVID-19». Ассамблея призвала активизировать усилия по борьбе с пандемией; обеспечить равный доступ к необходимым технологиям и устойчивое финансирование

⁵ По мнению автора, возможным нарушением Резолюции является операция Азербайджана по восстановлению контроля над Нагорным Карабахом, начавшаяся 27 сентября 2020 г. [Толстых 2021].

⁶ Pobjie E. COVID-19 as a threat to international peace and security: The role of the UN Security Council in addressing the pandemic. – *EJIL Talk!* July 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-as-a-threat-to-international-peace-and-security-the-role-of-the-un-security-council-in-addressing-the-pandemic> (accessed 26.04.2021).

⁷ Connolly C. War and the Coronavirus Pandemic. – *Third World Approaches to International Law Review*. April 9, 2020. URL: <https://twailr.com/war-and-the-coronavirus-pandemic/#easy-footnote-bottom-6-2077> (accessed 26.04.2021); Cusato E. Beyond War Talk: Laying Bare the Structural Violence of the Pandemic. – *EJIL Talk!* May 3, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/beyond-war-talk-laying-bare-the-structural-violence-of-the-pandemic> (accessed 26.04.2021); Schwobel-Patel Ch. We don't need a war against coronavirus. We need solidarity. – *Aljazeera*. April 6, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/4/6/we-dont-need-a-war-against-coronavirus-we-need-solidarity> (accessed 26.04.2021); Tzouvala N. COVID-19, International law and the battle for framing the crisis. – *ILA Reporter*. March 25, 2020. URL: <http://ilareporter.org.au/2020/03/covid-19-international-law-and-the-battle-for-framing-the-crisis-ntina-tzouvala> (accessed 26.04.2021).

⁸ Всемирная организация здравоохранения: Заявление Генерального директора ВОЗ по итогам совещания Комитета ММСП по чрезвычайной ситуации в связи с новым коронавирусом (2019-nCoV). 30.01.2020. Доступ: [https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihr-emergency-committee-on-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9cc029781d4ce33ecd7b0292cee378d03508be32-1628600743-0-gqNtZGzNA2KjcnBszQj6](https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-statement-on-ihr-emergency-committee-on-novel-coronavirus-(2019-ncov)?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9cc029781d4ce33ecd7b0292cee378d03508be32-1628600743-0-gqNtZGzNA2KjcnBszQj6) (дата обращения: 26.04.2021); Всемирная организация здравоохранения: Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. 29.06.2020. Доступ: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covid-timeline> (дата обращения: 26.04.2020).

ВОЗ; признала роль широкой иммунизации от COVID-19 как глобального общественного блага; обратила внимание на воздействие инфекции на экономику и общество и обострение неравенства; поручила Генеральному директору принять меры по выявлению источника вируса и инициировать оценку мер по борьбе с COVID-19⁹.

Весной 2020 г. президент США Д. Трамп обвинил ВОЗ в запоздалой реакции, ошибочных рекомендациях и подконтрольности Китаю, пообещав закончить отношения с ней; в июле США уведомили ВОЗ о выходе (уведомление должно было вступить в силу через год); 20 января 2021 г. новый президент Дж. Байден отменил это решение¹⁰.

Отмечается, что пандемия проявила ряд недостатков, присущих ВОЗ:

- 1) зависимость от государств и недостаточная работа с частным сектором;
- 2) опора на инструменты «мягкого» права, отсутствие механизмов мониторинга и ответственности;
- 3) непрозрачность механизма принятия решений об объявлении ЧСЗМЗ и его дихотомичность (отсутствие промежуточных стадий между ЧСЗМЗ и нормой);
- 4) отсутствие методологии межотраслевого регулирования вопросов, связанных с безопасностью, торговлей, авиацией, правами человека, здравоохранением и пр.;
- 5) центральная роль Генерального директора и экспертов, собранных в комитеты;
- 6) неспособность ВОЗ обеспечивать политическую кооперацию (акцент на координации, т. е. оценке и принятии норм);
- 7) недостаточное и неравное финансирование: обязательные взносы покрывают 20 % бюджета ВОЗ и компенсируются добровольными взносами, что влечет неоправданное влияние

спонсоров (некоторых государств, американских неправительственных организаций и фармацевтических компаний).

В связи с этим предложения реформы ВОЗ направлены на повышение ее прозрачности, независимости, демократизма, финансовой самостоятельности; совершенствование механизмов оценки и мониторинга; расширение полномочий (например, за счет права контролировать соблюдение прав человека в период пандемии) [Alvarez 2020:578–587; Benvenisti 2020:588–597]¹¹. Некоторые из предложений были реализованы. В мае 2020 г. был создан фонд WHO-F в форме благотворительной организации по швейцарскому праву, с которым ВОЗ подписала соглашение об аффилиации. Фонд призван дополнять стратегию ВОЗ по мобилизации ресурсов, взаимодействуя с частными лицами и организуя компании по сбору средств. Фонд не вправе принимать средства от правительств, которые могут предоставлять их напрямую ВОЗ (исключения допускаются). Фонд не может принимать средства от табачной или оружейной индустрии. 70–80 % собранных средств поступают в ВОЗ для поддержки Общей программы работы (иными словами, цели финансирования определяются не донорами, а самой ВОЗ). Следствие этой меры – обособление ВОЗ от государств-членов; вопрос о степени влияния частных доноров остается открытым¹².

Широкая реформа ВОЗ, однако, в настоящее время представляется маловероятной, прежде всего, из-за того, что по ключевым вопросам нет консенсуса заинтересованных лиц.

4. Международные медико-санитарные правила

В соответствии со ст. 21(а) и 22 Устава ВОЗ Ассамблея здравоохранения вправе устанавли-

⁹ Villareal P.A. Pandemic Intrigue in Geneva: COVID-19 and the 73rd World Health Assembly. – *EJIL Talk!* May 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/pandemic-intrigue-in-geneva-covid-19-and-the-73rd-world-health-assembly> (accessed 26.04.2021).

¹⁰ Устав ВОЗ не содержит условий выхода, но в соответствии с оговоркой 1948 г. США вправе выйти из ВОЗ, уведомив ее за год и исполнив перед ней фискальные обязательства. См.: Burci G.L. The USA and the WHO: What has President Trump actually decided and what are its consequences?. – *EJIL Talk!* June 5, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-usa-and-the-world-health-organization-what-has-president-trump-actually-decided-and-what-are-its-consequences> (accessed 26.04.2021).

¹¹ См. также: Besson S. COVID-19 and the WHO's Political Moment. – *EJIL Talk!* June 25, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-and-the-whos-political-moment> (accessed 26.04.2021); Essawy R.M. The WHO: The Guardian of Human Rights during Pandemics?. – *EJIL Talk!* June 15, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-who-the-guardian-of-human-rights-during-pandemics> (accessed 26.04.2021).

¹² Aust H.Ph., Feihle P. "I want to break free": the WHO Foundation as an Experiment in the Financing of International Organisations. – *EJIL Talk!* October 14, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/i-want-to-break-free-the-who-foundation-as-an-experiment-in-the-financing-of-international-organisations> (accessed 26.04.2021).

вать правила, «направленные против международного распространения болезней», которые вступают в силу для государств-членов, не заявивших в течение указанного периода об отказе от их соблюдения. Основным документом являются ММСП 2005 г. (первая редакция – 1951 г.), содержащие ряд инноваций:

- 1) их сфера применения не ограничивается конкретной болезнью;
- 2) государства обязуются создать минимальный потенциал общественного здравоохранения;
- 3) они обязуются уведомлять ВОЗ о событиях, которые могут представлять собой ЧСЗМЗ;
- 4) ВОЗ вправе учитывать неофициальные сообщения;
- 5) Генеральный директор вправе объявить ЧСЗМЗ и принять временные рекомендации после учета мнения Комитета по чрезвычайной ситуации и др.;
- 6) государства могут принимать дополнительные меры, обеспечивающие более высокий уровень охраны, не более ограничительные, чем имеющиеся разумные альтернативы, и основанные на научных данных и рекомендациях ВОЗ; их обоснование должно быть сообщено ВОЗ, которая вправе попросить государство пересмотреть их.

Отмечаются следующие недостатки ММСП:

1. ММСП содержат общие обязательства *due diligence*¹³ и сотрудничества¹⁴; не закрепляют

механизмов мониторинга, принуждения и ответственности; судебная практика их применения отсутствует; их обязательность может ставиться под сомнение¹⁵.

2. Действующая система является бинарной: между ЧСЗМЗ и нормой нет промежуточных стадий; объявление ЧСЗМЗ является «актом политического символизма и медиа-безумия» (за 2009–2020 гг. ЧСЗМЗ объявлялась шесть раз), хотя его следствия остаются неясными (не считая права ВОЗ принимать рекомендации); это усугубляется дефицитом фактической базы в докладах комитетов.

3. Не ясен характер рекомендаций ВОЗ, размещаемых на ее сайте и адресованных частным лицам, медицинским учреждениям и работодателям¹⁶; фактически речь идет о попытке прямого регулирования в обход национальных правительств¹⁷.

4. В соответствии с ММСП ВОЗ должна получать информацию преимущественно от государств; ее возможности по использованию независимых источников информации и проведению самостоятельного расследования ограничены.

5. ММСП не закрепляют механизм эффективного сотрудничества ВОЗ и государств, а также ВОЗ и других организаций; аналогично они не закрепляют механизм устранения противоречий между ММСП и другими инструментами (ст. 57); на основании ст. 43 государства могут принять

¹³ *Due Diligence* – стандарт хорошего управления, который варьируется в зависимости от финансовых, человеческих и технических возможностей и серьезности ситуации и иногда применяется в сочетании с процедурными обязательствами результата (оценка риска и предоставление информации). Государства должны иметь минимальную инфраструктуру, позволяющую предотвратить, пресечь и возместить ущерб. Нормы *due diligence* должны соответствовать нормам международного права, например, принципу невмешательства. См.: Coco A., de Souza Dias T. *Due Diligence and COVID-19: States' Duties to Prevent and Halt the Coronavirus Outbreak. Part I.* – *EJIL Talk!* March 24, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/part-i-due-diligence-and-covid-19-states-duties-to-prevent-and-halt-the-coronavirus-outbreak> (accessed 26.04.2021)

¹⁴ По мнению А. Мирон, во время кризисов многостороннее сотрудничество является не обязательством поведения, а обязательством результата и единственным возможным ответом. См.: Miron A. *Port Denials and Restrictions in Times of Pandemic: Did International Law Lose its North Star?* – *EJIL Talk!* April 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/port-denials-and-restrictions-in-times-of-pandemic-did-international-law-lose-its-north> (accessed 26.04.2021).

¹⁵ Согласно ст. 54 государства и Генеральный директор представляют Ассамблее доклады об осуществлении ММСП, составленные на основе формальных индикаторов (человеческие ресурсы, лаборатории, правовые и финансовые рамки и пр.). Доклады не проверяются, по их поводу не организуются дебаты, визиты на место или прямые переговоры. См.: Bartolini G. *Are You Ready for a Pandemic? The International Health Regulations Put to the Test of Their 'Core Capacity Requirements'.* – *EJIL Talk!* June 1, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/are-you-ready-for-a-pandemic-the-international-health-regulations-put-to-the-test-of-their-core-capacity-requirements> (accessed 26.04.2021).

¹⁶ См., например: Всемирная организация здравоохранения: Рекомендации для населения в отношении инфекции, вызванной новым коронавирусом (COVID-19). Доступ: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 26.04.2021).

¹⁷ Основанием может быть ст. 13 (предполагающая, однако, просьбу государств) или концепция подразумеваемых полномочий.

дополнительные ограничительные меры, на которые ВОЗ не может повлиять [Benvenisti 2020: 588–597]¹⁸.

Несовершенство ММСП стало одной из причин, в силу которых ведущую роль в борьбе с пандемией играют национальные инструменты, выступающие не в качестве дополнительных по отношению к ММСП, а в качестве основных. Государства, в частности, широко использовали полномочия, закрепленные в ст. 43 (принятие дополнительных мер). Одним из возможных способов решения проблемы может быть также принятие универсальной конвенции [Батырь 2020: 106–123]. Реформа механизма реагирования, таким образом, предполагает не только совершенствование положений ММСП, но и улучшение координации между внутригосударственными и международными структурами.

5. Вопрос об ответственности Китая

Некоторые государства и СМИ обвинили Китай в запоздалой реакции и сокрытии информации. Утверждается, что первый случай заболевания был обнаружен 8 декабря 2019 г. (или даже 17 ноября), но только 31 декабря власти сообщили о пневмонии в офис ВОЗ. При этом они не сослались на дискуссию с участием врача центральной больницы Уханя Ли Вэньляня (*Li Wenliang*) и запретили ему (а потом и другим врачам) делать публичные заявления. В конце января 2020 г. они ужесточили цензуру и, похоже, занижали число инфицированных. В декабре 2019 г. китайские власти заявили, что вирус не передается от человека к человеку и речь идет о сезонной вспышке простуды (признали такую возможность только 20 января, хотя 9 января умер пациент, заразившийся от своей жены). Только 14 февраля Китай сообщил ВОЗ о заражении 1700 медработников.

Был закрыт рынок морепродуктов в Ухане, но не запрещена торговля дикими животными. В январе Китай без объяснений отверг предложение помощи со стороны ВОЗ и США. По мнению университета Саутгемптона, если бы Китай отреагировал на 1-2-3 недели раньше, число зараженных снизилось бы на 66–86–95 %. Наконец, США обвинили Китай в том, что вирус был создан Уханьским институтом вирусологии.

Утверждается, что Китай нарушил ст. 6 ММСП, требующую уведомлять ВОЗ о событиях, которые могут представлять ЧСЗМЗ, в течение 24 часов после оценки информации, и сообщать о принятых ответных мерах, а после уведомления – предоставлять ВОЗ своевременную и точную информацию; а также нарушил ст. 7, обязывающую предоставлять ВОЗ информацию о неожиданном или необычном событии, которое может создать ЧСЗМЗ. Как результат, Китай должен нести ответственность, и к нему могут быть применены контрмеры (исключение из организаций, приостановление воздушного сообщения, запрет трансляции китайских каналов)¹⁹. Дополнительно можно сослаться на нарушение Китаем положений Устава ВОЗ:

1) ст. 21 и 22 (право ВТО принимать правила) – нарушение ММСП можно считать нарушением этих статей;

2) ст. 64 (предоставление статистических и эпидемиологических докладов) – нарушение ст. 6 и 7 ММСП можно считать нарушением ст. 64;

3) ст. 63 (государство должно сообщать ВОЗ о докладах и статистических данных, опубликованных в нем), проблема, однако, в том, что предоставляться должны только опубликованные доклады;

4) ст. 37 (запрет влиять на персонал ВОЗ) – можно утверждать, что, утаив информацию, Китай пытался добиться поддержки ВОЗ²⁰.

¹⁸ См. также: Burci G.L. The Outbreak of COVID-19 Coronavirus: are the International Health Regulations fit for purpose? – *EJIL Talk!* February 27, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-outbreak-of-covid-19-coronavirus-are-the-international-health-regulations-fit-for-purpose> (accessed 26.04.2021); Lee T.L. Why the WHO is failing and how to fix it. – *EJIL Talk!* May 29, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/why-the-who-is-failing-and-how-to-fix-it> (accessed 26.04.2021); Lee J. IHR 2005 in the Coronavirus Pandemic: A Need for a New Instrument to Overcome Fragmentation? – *ASIL Insights*. June 12, 2020. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/16/ihr-2005-coronavirus-pandemic-need-new-instrument-overcome-fragmentation> (accessed 26.04.2021).

¹⁹ Introvigne M. Coronavirus: CCP Beware, the Lawyers Are Coming. – *Bitter Winter. Magazine on Religious Liberty and Human Rights*. March 25, 2020. URL: <https://bitterwinter.org/coronavirus-ccp-beware-the-lawyers-are-coming> (accessed 26.04.2021); Kraska J. China is Legally Responsible for COVID-19 Damage and Claims Could be in the Trillions. – *War on the Rocks*. March 23, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/03/china-is-legally-responsible-for-covid-19-damage-and-claims-could-be-in-the-trillions> (accessed 26.04.2021); Regalado Bagares R. China, International Law, and COVID-19. – *Inquirer.net*. March 22, 2020. URL: <https://opinion.inquirer.net/128226/china-international-law-and-covid-19> (accessed 26.04.2021).

²⁰ Tzeng P. Taking China to the ICJ over COVID-19. – *EJIL Talk!* April 2, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/taking-china-to-the-international-court-of-justice-over-covid-19> (accessed 26.04.2021).

Встречная аргументация состоит в следующем: Китай выполнил обязательства *due diligence*, что подтверждается ВОЗ²¹. В декабре 2019 г. чиновник провинции Хубэй доктор Янь Жиксиан (*Zhang Jixian*) обнаружила три случая пневмонии; 27 декабря она сообщила об этом в госпиталь; 31 декабря власти сделали публичное заявление, направили в Ухань группу экспертов и уведомили ВОЗ; 3 января они сообщили ВОЗ и другим странам о неизвестной пневмонии. 11 января Китайский центр по контролю над заболеваниями разместил на своем сайте геномную расшифровку вируса; 20 января доктор Жонгнаншан (*Zhongnanshan*) заявил о возможности передачи вируса от человека к человеку. 23 января был объявлен локдаун в Ухане, 25 января – в провинции Хубэй, позднее – в других регионах. Китай не причастен к появлению вируса; из первых 40 пациентов большая часть посещала уханьский рынок морепродуктов. Абсурдно требовать от Китая полной информации о вирусе спустя несколько дней после его обнаружения; в такой ситуации государство обязано лишь принимать меры для установления природы вируса. Цензура была обоснованной, т. к. паника могла способствовать распространению вируса и затруднить реагирование; международное право разрешает ограничивать свободу слова, если это необходимо для обеспечения общественного порядка и здоровья (ст. 19 Пакта о гражданских и политических правах).

Даже если Китай не выполнил свои обязательства, причинно-следственная связь между этим невыполнением и пандемией не доказана, т. к. другие государства и организации реагировали с большей задержкой, а многие не выполнили рекомендаций ВОЗ, касавшихся диагностики, индивидуальной защиты, карантина и др. Ст. 39 Статей КМП об ответственности государств за

международно-противоправные деяния 2001 г. устанавливает, что при определении возмещения учитывается усугубление вреда действием или бездействием потерпевшего. В Решении по делу «Габчиково – Надьмарош» от 25 сентября 1997 г. МС ООН указал: «Пострадавшее государство, не принявшее необходимые меры для ограничения понесенного ущерба, не имеет права требовать компенсации за тот ущерб, который мог быть предотвращен» (п. 80).

ВОЗ объявила ЧСЗМЗ только 30 января 2020 г. США с большим опозданием приступили к тестированию, Италия ввела локдаун, когда количество смертей превысило тысячу, Великобритания попыталась реализовать концепцию «коллективного иммунитета» (хотя потом отказалась от нее). Многие государства монополизировали производство вакцины и запретили экспорт защитного оборудования, нарушив тем самым обязательство сотрудничества. Сингапур и Южная Корея, наоборот, должным образом использовали полученную от Китая информацию и справились с болезнью.

Даже если Китай ответственен за упущение, это не значит, что он должен выплатить компенсацию. В Решении по делу о геноциде (Босния против Сербии) от 26 февраля 2007 г. МС ООН счел, что, хотя Сербия не предупредила геноцид, она не обязана компенсировать ущерб (упущения делают возможными вредоносные события, но не порождают их). Иными словами, компенсация предполагает прямую причинную связь между упущением и последствиями (и, соответственно, высокий порог доказывания) [Creutz 2020:1–15]²². Возложение главной ответственности за пандемию на Китай имеет политическую подоплеку; западные СМИ намеренно нагнетают истерию и используют стратегию *naming and shaming*²³.

²¹ «Перед лицом ранее неизвестного вируса Китай развернул, пожалуй, самые амбициозные, гибкие и агрессивные меры по сдерживанию болезни в истории». См.: World Health Organization: Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). February 16-20, 2020. P. 16. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/who-china-joint-mission-on-covid-19-final-report.pdf> (accessed 26.04.2021).

²² См. также: Coco A., de Souza Dias T. Op. cit.; Essawy R.M. The Legal Duty to Cooperate amid COVID-19: A Missed Opportunity? – *EJIL Talk!* April 22, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-legal-duty-to-cooperate-amid-covid-19-a-missed-opportunity/> (accessed 26.04.2021); Guo Shuai. Don't bother suing China for COVID-19 before the ICJ. – *CGTN*. April 9, 2020. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202004/09/WS5e8ec46aa3105d50a3d15041.html> (accessed 26.04.2021); Lahmann H. Does China Really Owe the World Trillions of Dollars? – *Lawfare*. May 7, 2020. URL: https://www.lawfareblog.com/does-china-really-owe-world-trillions-dollars?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_9070c1e90994fbb4fca7ed4516f7944a2e89b308-1628521801-0-ggNtZGzNAuKjcnBsZQcO (accessed 26.04.2021).

²³ Примером может служить заголовок в *Wall Street Journal*: «China Is the Real Sick Man of Asia». См.: Mead W.R. China Is the Real Sick Man of Asia. – *Wall Street Journal*. February 3, 2020. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677> (accessed 26.04.2021), а также Filder D. COVID-19 and International Law: Must China Compensate Countries for the Damage? – *EJIL Talk!* March 27, 2020. URL: <https://www.justsecurity.org/69394/covid-19-and-international-law-must-china-compensate-countries-for-the-damage-international-health-regulations> (accessed 26.04.2021).

В силу целого ряда причин вопрос об ответственности Китая не будет перенесен в практическую плоскость. Его обсуждение, однако, является стимулом для развития доктрины и политической риторики, связанной с противодействием пандемии.

6. Общие вопросы ответственности

Общими основаниями ответственности – не только Китая, но и других государств – являются обязательства *due diligence*. Принцип *непричинения вреда* требует от государств не использовать и не позволять использовать свою территорию для причинения вреда другому государству или находящимся на ней лицам. Он был сформулирован в Решениях арбитражного суда по делу *Trail Smelter* от 16 апреля 1938 г. и 11 марта 1941 г. и Статьях КМП о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности 2001 г. Для исполнения этой обязанности государство должно проводить мониторинг, оценку риска, принимать законодательные, административные и принудительные меры, осуществлять международное сотрудничество и др. *Право на жизнь* предполагает не только пассивные, но и активные (позитивные) действия государства²⁴. *Право на здоровье* предполагает общие меры по формированию системы здравоохранения (ст. 12(1) Пакта об экономических, санитарных и культурных правах и некоторые региональные договоры)²⁵.

ММСП регулируют противодействие эпидемии: ст. 5 говорит об эпиднадзоре; ст. 13 – об ответных медико-санитарных мерах; ст. 24 – об операторах перевозок; ст. 32 – об обращении с лицами, совершающими поездку; ст. 34 – о контейнерах и др.

Защита людей в случаях бедствий предполагает международное сотрудничество, снижение риска, обеспечение защиты, ликвидацию последствий, обращение за помощью и защиту персонала (Статьи КМП о защите людей в случае бедствий 2016 г.).

В целом из пандемии можно вынести несколько уроков для права ответственности:

1. Следует рассматривать ответственность не как нарушение обязательства, а как причинение ущерба, в т. ч. незатронутым сторонам многосторонних обязательств и негосударственным акторам.

2. Следует уточнить толкование ст. 16 Статей 2001 г.: в частности, определить, требуется ли вина соучастника (или достаточно «знания»); стоит ли сохранять требование о двойном нарушении (с учетом того, что государства и организации могут быть связаны разными инструментами); распространяется ли ст. 16 на упущения, например, на случаи непредоставления информации²⁶.

3. Следует ограничить полную (*crippling* – калечащую) компенсацию, т. к. некоторые государства не способны возместить ущерб.

²⁴ В Замечании общего порядка № 36 Комитет по правам человека указал: «Обязанность по защите жизни также подразумевает, что государствам-участникам следует принимать соответствующие меры для улучшения общих условий в обществе, которые могут создавать прямые угрозы жизни или препятствовать лицам в пользовании их правом на жизнь с достоинством» (пар. 26). См.: Комитет по правам человека ООН: Замечание общего порядка №36 «Право на жизнь» (статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах) от 30 октября 2018 г. Доступ: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsrdB0H1I5979OVGGb%2BWPAXhNI9e0rX3cJlmWwe%2FGBLmVz%2Fgg7RW0x5uh3lr%2B%2BS%2BIR%2B1XZLkiB2gQHBNvwhsysvB3A2nxGrQCLlY4AioEcel> (дата обращения: 26.04.2021).

²⁵ В Замечании общего порядка № 14 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам указал: «Предупреждение и лечение... болезней... предполагают подготовку информационно-профилактических программ..., а также улучшение социальных условий... Право на лечение включает создание системы неотложной медицинской помощи... Лечение заболеваний предполагает... усилия государств, которые направлены, в частности, на предоставление соответствующих технологий, проведение... эпидемиологического надзора и сбор данных..., разработку или совершенствование программ иммунизации...» (пар. 16). См.: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН: Замечание общего порядка № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) от 11 августа 2000 г. Доступ: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,CESCR,,,47ebcc3c2,0.html> (дата обращения: 26.04.2021).

²⁶ «Государство, которое помогает или содействует другому государству в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если: а) данное государство делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; и б) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данным государством». См.: Генеральная ассамблея ООН: Доклад Комиссии международного права. Шестидесятая сессия (5 мая - 6 июня и 7 июля - 8 августа 2008 года). С. 291. Доступ: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/63/10\(SUPP\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/63/10(SUPP)) (дата обращения: 26.04.2021).

4. Следует дополнить режим усугубленной ответственности: отказ от сотрудничества со странами, не пытающимися бороться с эпидемией, может рассматриваться как непризнание положения, сложившегося в результате серьезного нарушения (ст. 41 (2)); обязательство сотрудничать с целью положить конец нарушению (ст. 41 (1)) может отвратить от посягательств на международные институты.

5. Следует скорректировать определение обстоятельств, исключающих ответственность; в случае с необходимостью деяние может быть не «единственным», а лишь разумным путем защиты (ст. 25).

6. Следует уточнить правила возмещения ущерба, в частности, требование о наличии причинной связи между поведением и ущербом, возможность снижения размера компенсации (например, в ситуациях технической некомпетентности пострадавших государств).

7. Следует уточнить режим контрмер (ст. 49–53); контрмеры, основанные на неверной квалификации, сами являются нарушением [Paparinskis 2020:618– 626].

Формальная реформа права международной ответственности (например, через внесение изменений в Статьи об ответственности государств 2001 г.) в ближайшее время маловероятна, хотя она может быть осуществлена фактически – на уровне судебной практики и политической риторики. Проблема, однако, состоит в том, что пандемия если не парализовала, то затормозила функционирование международных судов; кроме того, консенсус по многим вопросам едва ли будет достигнут, во всяком случае, в ближайшее время.

7. Урегулирование споров

Основанием для обращения в МС ООН может выступать ст. 75 Устава ВОЗ, а в арбитраж – ст. 56 ММСП. Кроме того, отмечается возможность обращения в МС ООН на основании ст. 84 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. – истцы могут заявить о нарушении

ст. 14 Конвенции (предотвращение распространения болезней через средства воздушной навигации)²⁷. Обращение в международный суд, однако, выглядит бесперспективным. *Во-первых*, Устав ВОЗ закрепляет структуру самой организации и корпоративные обязательства государств, а не их материальные обязательства; обязательства же, закрепленные в ММСП, предполагают широкое усмотрение государств. *Во-вторых*, юрисдикция международных судов является добровольной [Вылегжанин, Зинченко 2018:6–32; Толстых 2015: 204–228; Толстых 2018:475], и Китай вряд ли согласится с ней. *В-третьих*, судебная практика применения ММСП отсутствует, что осложнит работу суда и сделает уязвимым любое вынесенное решение. *В-четвертых*, обе статьи требуют досудебного регулирования, которое, как наверняка будет утверждать ответчик, не состоялось. *В-пятых*, Китай может заявить о злоупотреблении правом, т. е. о попытке перенести в Суд широкий политический спор. *В-шестых*, доказательства нарушения Китаем его обязательств выглядят неубедительно²⁸. *В-седьмых*, подача соответствующего иска откроет «ящик Пандоры» и сделает возможными процессы в отношении всех стран, отреагировавших с опозданием.

В качестве альтернативы рассматривается консультативное производство, которое могло бы завершиться вынесением заключения по широкому кругу вопросов. Такое производство, однако, займет несколько лет, кроме того, неизвестно, поддержит ли запрос заключения ГА ООН или ВОЗ²⁹. Другой альтернативой является учреждение следственной комиссии, которая могла бы составить хронологию событий, квалифицировать глобальную и индивидуальную реакцию, систематизировать медицинские данные, оценить имеющиеся стратегии сдерживания, внести предложения по улучшению действующего права и институциональных механизмов, рассмотреть вопрос о торговых ограничениях, выработать рекомендации и пр. Такая комиссия могла бы быть учреждена СБ ООН, ГА ООН, Ге-

²⁷ Huremagić H., Kainz F. COVID-19, China and International Aviation Law: A ticket to The Hague?. – *EJIL Talk!* July 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/covid-19-china-and-international-aviation-law-a-ticket-to-the-hague> (accessed 26.04.2021).

²⁸ Khubchandani M. Didn't even 'Bat' an Eyelid? A case at the ICJ to prevent China from re-opening wet markets in the wake of the COVID-19 furore. – *Bar and Bench*. April 4, 2020. URL: <https://www.barandbench.com/columns/policy-columns/did-not-even-bat-an-eye-china-a-case-at-the-icj-to-prevent-china-from-re-opening-wet-bat-markets-in-wake-of-the-covid-19-furore> (accessed 26.04.2021).

²⁹ Herdt de S. A Reference to the ICJ for an Advisory Opinion over COVID-19 Pandemic. – *EJIL Talk!* May 20, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/a-reference-to-the-icj-for-an-advisory-opinion-over-covid-19-pandemic> (accessed 26.04.2021).

неральным секретарем ООН, Советом по правам человека или ВОЗ; она также может быть учреждена за пределами имеющихся структур, т. е. *ad hoc*³⁰ [Андросова, Новикова 2021:134–150]. Данная идея была поддержана Австралией и Европейским союзом³¹.

Менее продуктивным выглядит обращение в национальные суды. В апреле 2020 г. штат Миссури предъявил иск к Китаю в суде США, утверждая, что недостаточная реакция китайских властей повлекла негативные экономические последствия для штата. Китай назвал иск абсурдным и сослался на принцип иммунитета, а некоторые эксперты заявили о связи данного иска с предстоящими выборами в США³².

В целом споры, порожденные пандемией или связанные с ней, не выглядят достигающими уровня угрозы международному миру и безопасности, а их передача в суды может отрицательно сказаться на эффективности международного сотрудничества в борьбе с пандемией. Судебное или любое иное формализованное разбирательство, тем не менее, могло бы стать эффективным средством уточнения режима борьбы с пандемией.

8. Права человека

Реагируя на пандемию, многие государства ограничили права человека. Так, Италия, наиболее пострадавшая от вируса, 23 февраля 2020 г. приняла декрет № 6, разрешивший правитель-

ству принимать меры, направленные на сдерживание вируса³³. На основании данного декрета были запрещены собрания; ограничено передвижение людей (за исключением покупки продуктов, посещения врачей и рабочей необходимости), полиция получила право останавливать пемемещающихся и требовать письменные объяснения; прекращена розничная торговля (за исключением продажи товаров первой необходимости), оказания банковских, финансовых и страховых услуг; закрыты рестораны, музеи, театры, парикмахерские, спортивные залы, школы и университеты; отменены спортивные и культурные мероприятия; запрещены религиозные и гражданские церемонии; ограничена работа церквей; приостановлены посещения тюрем; рекомендован перевод работников на удаленную работу или предоставление им оплачиваемого отпуска. Нарушение соответствующих правил было признано преступлением, наказуемым лишением свободы на срок до трех месяцев или штрафом до 206 евро (ст. 650 УК); лица, получившие положительный тест и не соблюдающие карантин, могли преследоваться в соответствии со ст. 438 или 452 (вплоть до пожизненного заключения)³⁴.

Некоторые страны не ограничились локальным: Испания национализировала частные больницы, Филиппины, США и ЕС рассмотрели такую возможность. Некоторые права не претерпели прямых ограничений, но их использование было серьезно затруднено. Отдельные ограниче-

³⁰ Becher M.A. Do We Need an International Commission of Inquiry for COVID-19? Part I. – *EJIL Talk!* May 18, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/do-we-need-an-international-commission-of-inquiry-for-covid-19-part-i> (accessed 26.04.2021); Becher M.A. Do We Need an International Commission of Inquiry for COVID-19? Part II. – *EJIL Talk!* May 18, 2020. <https://www.ejiltalk.org/do-we-need-an-international-commission-of-inquiry-for-covid-19-part-ii> (accessed 26.04.2021).

³¹ Worthington B. Marise Payne calls for global inquiry into China's handling of the coronavirus outbreak. – *ABC New*. April 19, 2020. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-04-19/payne-calls-for-inquiry-china-handling-of-coronavirus-covid-19/12162968> (accessed 26.04.2021).

³² Wolfe J. In a first, Missouri sues China over coronavirus economic losses. – *Reuters*. March 21, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-lawsuit/in-a-first-missouri-sues-china-over-coronavirus-economic-losses-idUSKCN2232US> (accessed 26.04.2021).

³³ См.: Decreto-legge 23 febbraio 2020, No. 6 "Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19". URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/02/23/20G00020/sg> (accessed 26.04.2021). Декрет ссылается на ст. 77 Конституции Италии: «В чрезвычайных ситуациях, связанных с необходимостью и неотложностью, правительство принимает, под свою ответственность, временные решения, имеющие силу закона, при этом оно обязано в тот же день представить их на утверждение в палаты...».

³⁴ Spadaro A. Do the containment measures taken by Italy in relation to COVID-19 comply with human rights law?. – *EJIL Talk!* March 16, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/do-the-containment-measures-taken-by-italy-in-relation-to-covid-19-comply-with-human-rights-law> (accessed 26.04.2021); Dzehtsiarou K. COVID-19 and the European Convention on Human Rights. – *StrasbourgObservers* March 27, 2020. URL: <https://strasbourgothers.com/2020/03/27/covid-19-and-the-european-convention-on-human-rights/#more-4563> (accessed 26.04.2021); Startceva O. The Right to a Fair Trial in the Context of COVID-19 in Russia. – *Legal Dialogue*. May 28, 2020. URL: <https://legal-dialogue.org/the-right-to-a-fair-trial-in-the-context-of-covid-19-in-russia> (accessed 19.03.2021).

ния были подвергнуты критике. Так, после введения Индией локдауна, включавшего отмену перевозок, огромное число мигрантов было вынуждено добираться до дома пешком, возникла угроза голода. В некоторых странах власти использовали пандемию как повод для преследования оппонентов [Benpoune 2020:666–676].

Генеральный секретарь ООН А. Гутеррес в Докладе «COVID-19 and Human Rights: we are all in this together» (апрель 2020 г.) поставил права человека в центр глобального ответа на пандемию и сформулировал шесть приоритетов:

1. Необходимо учитывать не только вопросы здравоохранения, но также экономическое и социальное воздействие.

2. Вирус не дискриминирует, но его воздействие дискриминирует, поэтому необходим инклюзивный ответ.

3. Каждый должен быть вовлечен в открытый, прозрачный и подотчетный ответ.

4. Угрозой является вирус, а не люди; чрезвычайные меры должны быть временными, пропорциональными и направленными на защиту людей.

5. Ни одна страна не должна бороться в одиночку: глобальные угрозы требуют глобального ответа.

6. Когда мы справимся, мы должны стать лучше, чем были до этого.

В конце доклада был сделан ряд общих рекомендаций³⁵. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека призвало к тому, чтобы меры сдерживания учитывали права человека, и сделало ряд заявлений, призывающих снизить влияние COVID-19 на отдельные группы (меньшинства, ЛГБТ, инвалидов, африканцев и пр.)³⁶. 13 мая 2020 г. УВКПЧ приняло Руководство по COVID-19, в котором выделило наиболее острые угрозы и сформулировало общие

рекомендации (информировать население, смягчать воздействие, бороться с языком ненависти и пр.)³⁷. Эксперты ООН сформулировали стандарты борьбы с пандемией: чрезвычайные меры должны объявляться публично; о них должно быть также сообщено в договорные органы; чрезвычайное положение не должно быть предлогом для репрессий; ограничения не должны вводиться с целью подавления инакомыслия; они должны иметь узконаправленный характер и быть как можно менее жесткими; в тех странах, где эпидемия идет на спад, власти должны помочь людям вернуться к нормальной жизни³⁸. *Неправительственные организации* также сформулировали свои предложения³⁹. Для борьбы с кризисом были созданы новые инструменты защиты: *Human Rights Measurement Initiative Rights Tracker*, *COVID 19 Disability Rights Monitor* и др.

Комментаторы отмечают недостаточность реакции международных и национальных структур:

1) составляемые документы часто носят общий характер;

2) механизмы мониторинга действий властей отсутствуют, как и механизмы возмещения ущерба;

3) авторитарные режимы используют пандемию для консолидации власти и преследования оппонентов (Сальвадор, Бангладеш, Китай, Южный Судан);

4) некоторые государства не способны принимать меры сдерживания (например, Бангладеш – обеспечить социальное дистанцирование);

5) некоторые государства ссылаются на ст. 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах для оправдания мер, затрагивающих обязательства недискриминации, прогрессивной реализации и т.д. (нарушая принцип

³⁵ UN: COVID-19 and Human Rights We are all in this together. April, 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_policy_brief_on_human_rights_and_covid_23_april_2020.pdf (accessed 26.04.2021).

³⁶ COVID-19 и правозащитные аспекты. Доступ: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/COVID-19.aspx> (дата обращения: 26.04.2021).

³⁷ OHCHR: COVID-19 Guidance. May 13, 2020. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/COVID-19_Guidance.pdf (accessed 26.04.2021).

³⁸ COVID-19: Эксперты ООН заявили, что государства не должны злоупотреблять чрезвычайными мерами для ограничения прав человека. Доступ: <https://www.ohchr.org/ru/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25722&LangID=r> (дата обращения: 26.04.2021).

³⁹ Human Rights Dimensions of COVID-19 Response. – *Human Rights Watch*. March 19, 2020. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/03/19/human-rights-dimensions-covid-19-response#> (accessed 26.04.2021); COVID-19: How human rights can help protect us. – *Amnesty International*. March 20, 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/03/coronavirus-how-human-rights-help-protect-us> (accessed 26.04.2021); Corruption and Coronavirus. – *Transparency International*. March 18, 2020. <https://www.transparency.org/en/news/corruption-and-the-coronavirus> (accessed 26.04.2021).

предосторожности (*precaution*), применимый по аналогии) [Desierto 2016:241–276]⁴⁰.

Пандемия также поставила вопросы, связанные с дезинформацией (которая препятствует доступу к правдивой информации и может квалифицироваться как нарушение свободы слова)⁴¹; ответственностью корпораций⁴²; сравнительными преимуществами демократических и тоталитарных режимов⁴³; использованием мобильных приложений для отслеживания контактов⁴⁴; влиянием пандемии на рост гендерного насилия⁴⁵; дефицитом мер социальной поддержки⁴⁶. На более поздней стадии встал вопрос о принудительной вакцинации и выдаче иммунных паспортов, обладание которыми исключит лицо из сферы действия ограничений; данную меру рассматривают Чили, Германия, Италия, Великобритания и США. Проблема, однако, состоит в том, что, по мнению ВОЗ, наличие антител не гарантирует защиту против повторного инфицирования. Кроме того, введение иммунных паспортов предполагает искусственное разделение на тех, кто

может и не может участвовать в общественной жизни (т. е. дискриминацию, подрывающую право на здоровье), и может стимулировать людей заразиться вирусом (с тем чтобы в дальнейшем получить иммунный паспорт). В политическом плане оно снимает ответственность за борьбу с вирусом с правительств и может создавать предпосылки для коррупции⁴⁷.

Право прав человека является отраслью международного права, наиболее затронутой пандемией. Многие из вопросов, прежде всего, вопрос о пропорциональности принимаемых мер, остаются открытыми; их решение будет иметь огромное значение для будущего международного права.

9. Отступление от правозащитных обязательств

Возможность временного отступления от правозащитных обязательств в чрезвычайной ситуации предусмотрена в ст. 15 Европейской кон-

⁴⁰ См. также: Desierto D. Calibrating Human Rights and Necessity in a Global Public Health Emergency: Revive the UN OHCHR's ICESCR Compliance Criteria. – *EJIL Talk!* March 26, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/calibrating-human-rights-and-necessity-in-a-global-public-health-emergency-revive-the-un-ohchrs-icescr-compliance-criteria> (accessed 26.04.2021); Desierto D. The Myth and Mayhem of 'Build Back Better': Human Rights Decision-Making and Human Dignity Imperatives in COVID-19. – *EJIL Talk!* May 25, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-myth-and-mayhem-of-build-back-better-human-rights-decision-making-as-the-human-dignity-imperative-in-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁴¹ М. Миланович пишет, что дезинформация, вызывающая негативные последствия, может быть ограничена в соответствии с принципом пропорциональности, если она не может быть преодолена распространением правды (отрицание Холокоста). Примеры в контексте здравоохранения: отрицание присутствия вируса (Никарагуа, Туркмения); продвижение неэффективных лекарств (так, президент ЮАР Табо Мбеки заявил, что лучшим лекарством от СПИДа является свекольный сок, лимон и чеснок, что привело к смерти более 300 тыс. человек; а президент Д. Трамп продвигал как лекарство от COVID-19 антималярийный препарат гидроксихлорохин, имеющий серьезные побочные эффекты). См.: Milanovic M. Viral Misinformation and the Freedom of Expression. Part I. – *EJIL Talk!* April 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/viral-misinformation-and-the-freedom-of-expression-part-i> (accessed 26.04.2021); Milanovic M. Viral Misinformation and the Freedom of Expression. Part II. – *EJIL Talk!* April 13, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/viral-misinformation-and-the-freedom-of-expression-part-ii> (accessed 26.04.2021).

⁴² Hughes J. et al. Corporate Human Rights Due Diligence in times of COVID-19. – *EJIL Talk!* July 30, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/corporate-human-rights-due-diligence-in-times-of-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁴³ Kavanaugh M.M. Authoritarianism, outbreaks, and information politics. – *Lancet*. February 13, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30030-X](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30030-X). URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(20\)30030-X/fulltext#%20](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(20)30030-X/fulltext#%20) (accessed 26.04.2021).

⁴⁴ Staehelin B., Aptel C. COVID-19 and contact tracing: a call for digital diligence. – *ReliefWeb*. May 15, 2020. URL: <https://reliefweb.int/report/world/covid-19-and-contact-tracing-call-digital-diligence> (accessed 26.04.2021); Siatitsa I., Kouvakas I. Indiscriminate Covid-19 location tracking (Part I): Can pandemic-related derogations be an opportunity to circumvent Strasbourg's scrutiny?. – *StrasbourgObservers*. May 5, 2020. URL: <https://strasbourgothers.com/2020/05/04/indiscriminate-covid-19-location-tracking-part-i-necessary-in-a-democratic-society> (accessed 26.04.2021).

⁴⁵ Jang B., Farise K. Gender Based Violence during the COVID-19 Pandemic and economic, social and cultural rights. – *OpinioJuris*. April 23, 2020. URL: <https://opiniojuris.org/2020/04/23/gender-based-violence-during-the-covid-19-pandemic-and-economic-social-and-cultural-rights> (accessed 26.04.2021).

⁴⁶ Kurolova D., Sivaprakasam D. The Right to Social Security: Navigating the Narrow Passage Between Virus Suppression and Economy Resuscitation. – *OpinioJuris*. May 12, 2020. URL: <http://opiniojuris.org/2020/05/12/the-right-to-social-security-navigating-the-narrow-passage-between-virus-suppression-and-economy-resuscitation> (accessed 26.04.2021).

⁴⁷ Phelan A.L. COVID-19 immunity passports and vaccination certificates: scientific, equitable, and legal challenges. – *Lancet*. 04.05.2020. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)31034-5/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)31034-5/fulltext) (accessed 26.04.2021).

венции 1950 г.⁴⁸ и ст. 4 Пакта о гражданских и политических правах⁴⁹; некоторые права при этом не могут быть ограничены (в частности, закрепленные в ст. 2, 3, 4 (1) и 7 Конвенции). Ст. 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах закрепляет возможность большего ограничения «с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе»⁵⁰. Конвенция и Пакты также допускают ограничения отдельных прав в интересах национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния, предотвращения беспорядков, охраны здоровья или нравственности и защиты прав и свобод других людей. Ограничения могут рассматриваться как гарантия права на здоровье (отсюда – необходимость оценки и поддержания баланса между различными правами). Ограничения должны быть установлены законом и соответствовать

преследуемым целям (принцип пропорциональности).

Ряд государств использовали ст. 15 Европейской конвенции и заявили об отступлении (Албания, Армения, Эстония, Грузия, Латвия, Молдавия, Северная Македония, Румыния, Сан-Марино, Сербия), как правило, со ссылкой на Заявление ВОЗ от 11 марта 2020 г.; позднее они отменили ограничения⁵¹. Извещения обычно направлялись министром иностранных дел или другим политическим представителем. В деле «BP v Surrey County Council & Anor», однако, извещение было направлено судьей⁵²; доктрина подвергла это решение критике⁵³. Отмечается дефицит механизмов для мониторинга режима отступлений: ЕСПЧ не приспособлен для этого, в связи с чем необходимо усилить роль Комиссара Совета Европы по правам человека,

⁴⁸ «1. В случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств... 3. Любая из Высоких Договаривающихся Сторон... исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря СЕ о введенных ею мерах и о причинах их принятия...».

⁴⁹ В Замечании общего порядка № 29 (2001) Комитет по правам человека объяснил условия применения ст. 4 и, в частности, указал, что «государствам-участникам надлежит представить подробное обоснование не только их решения объявить чрезвычайное положение, но и любых конкретных мер, вытекающих из такого решения» (п. 5). См.: Комитет по правам человека ООН: Замечание общего порядка №29 «Отступление от прав в связи с чрезвычайным положением» (ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах) от 24 июля 2001 г. Доступ: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom29.html> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵⁰ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в 2013 г. подготовил Доклад о мерах жесткой экономии и экономических и социальных правах (*Report on austerity measures and economic and social rights*), в котором указал: «Когда меры строгой экономии выражаются в регрессивных шагах, затрагивающих реализацию или имплементацию прав человека, бремя доказывания переходит на имплементирующее государство, которое должно предоставить обоснование таких регрессивных мер. Для обеспечения выполнения своих правозащитных обязательств, государство должно продемонстрировать: 1) наличие довлеющего государственного интереса; 2) необходимость, разумность, временный характер и пропорциональность мер строгой экономии; 3) исчерпание альтернативных или менее ограничительных мер; 4) недискриминационный характер предлагаемых мер; 5) защиту минимального основного содержания прав (*core content of rights*); 6) действительное участие всех затронутых групп и индивидов в процессе принятия решений» (п. 15). UN: Report on austerity measures and economic and social rights. URL: https://socialprotection-humanrights.org/wp-content/uploads/2016/06/E-2013-82_en.pdf (accessed 26.04.2021).

⁵¹ Zghibarta P. The Whos, the Whats, and the Whys of the Derogations from the ECHR amid COVID-19. – *EJIL Talk!* April 11, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-whos-the-whats-and-the-whys-of-the-derogations-from-the-echr-amid-covid-19> (accessed 26.04.2021).

⁵² 23 марта 2020 г. премьер-министр Великобритании заявил, что все люди должны по возможности оставаться дома, в связи с чем были отменены посещения домов престарелых. Дочь 83-летнего глухого мужчины, страдавшего болезнью Альцгеймера и проживавшего в доме престарелых, заявила ходатайство о том, чтобы в течение пандемии ему разрешили проживать с ней, и сослалась на нарушение ст. 5 и 8 Конвенции (совместно со ст. 14). Судья Хайден (Суд Англии и Уэльса по защите душевнобольных), однако, сочла, что от ст. 5 можно отступить на основании ст. 15 и заявила, что известит об отступлении Совет Европы. См.: England and Wales Court of Protection Decisions: BP v Surrey County Council & Anor. Case No. 1352489T. Judgment of 25 March 2020. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCOP/2020/17.html> (accessed 26.04.2021).

⁵³ Martin S. A Domestic Court's Attempt to Derogate from the ECHR on behalf of the United Kingdom: the implications of COVID-19 on judicial decision-making in the United Kingdom. – *EJIL Talk!* April 9, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/a-domestic-courts-attempt-to-derogate-from-the-echr-on-behalf-of-the-united-kingdom-the-implications-of-covid-19-on-judicial-decision-making-in-the-united-kingdom> (accessed 26.04.2021).

Генерального секретаря Совета Европы и Венецианской комиссии⁵⁴.

Ответ на вопрос, может ли государство, не направившее извещение, сослаться на отступление, не однозначен. В *First Cyprus Case*⁵⁵ Великобритания утверждала, что право на отступление не зависит от обязательства информировать другие государства в соответствии со ст. 15 (3). Европейская Комиссия по правам человека указала, что ст. 15 (3) не говорит о санкции за неполную информацию; если меры соответствуют ст. 15 (1,2), то они не становятся недействительными в отсутствие извещения; это, однако, не означает, что нарушение ст. 15 (3) во всех случаях не влечет недействительности или иной санкции. В деле «*Lawless v Ireland*»⁵⁶ Ирландия направила извещение, но заявитель утверждал, что оно было неполным, т. к. в нем не указывались некоторые детали. Кроме того, даже если информация была полной, государство не может сослаться на нее до ее опубликования в Ирландии. Комиссия сочла, что извещение было полным и соответствовало ст. 15 (3). Что касается внутреннего опубликования, то ст. 15 (3) требует только информирования Генерального секретаря (Решение от 30 августа 1958 г.). ЕСПЧ поддержал Комиссию (дело *Lawless v Ireland*). В деле *Cyprus v Turkey*⁵⁷ Комиссия указала, что ст. 15 требует принятия формального публичного акта (объявление военного или чрезвычайного положения); если он не принят, ст. 15 не применяется (неясно, является ли этот акт альтернативным извещению или же кумулятивным). В *Greek case*⁵⁸

Комиссия сочла, что Греция не выполнила ст. 15 (3), т. к. не известила Генерального секретаря о некоторых мерах и вызвавших их причинах и направила извещение с опозданием, но не стала определять последствия нарушения, т. к. отступление было признано недействительным (чрезвычайная ситуация не имела места). Таким образом, ЕСПЧ воздерживается от однозначного решения вопроса. Часть комментаторов полагает, что извещение является обязательным, т. к. оно позволяет отличить правомерное отступление от неправомерного ограничения и обеспечивает прозрачность и определенность [Полцин 2020:1–32; Полцин 2019:192–202]⁵⁹.

Данный вопрос до недавнего времени не имел принципиального значения, именно поэтому он не был прояснен в достаточной степени. В настоящее время соблюдение процедуры выглядит необходимой гарантией и условием соблюдения прав человека и одновременно – условием согласованности международного сотрудничества в области борьбы с пандемией. Практика, таким образом, должна быть переориентирована в сторону большей формализации отступлений (иными словами, государства должны сообщать компетентным органам о своих отступлениях от правозащитных обязательств, желательно с указанием причин). Инициатива такой формализации может исходить от самих правозащитных органов, например от Совета по правам человека ООН, либо даже от политических органов, например от Совета Безопасности ООН.

⁵⁴ Istrefi K. Supervision of Derogations in the Wake of COVID-19: a litmus test for the Secretary General of the Council of Europe. – *EJIL Talk!* April 6, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/supervision-of-derogations-in-the-wake-of-covid-19-a-litmus-test-for-the-secretary-general-of-the-council-of-europe> (accessed 26.04.2021).

⁵⁵ European Commission of Human Rights: Government of the Kingdom of Greece v. Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Application No. 176/56. Decision of 2 June 1956. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-142534&filename=001-142534.pdf> (accessed 26.04.2021).

⁵⁶ European Court of Human Rights: Case of Lawless v Ireland. Application No. 332/57. Judgment of 1 July 1961. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-57518%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57518%22]}) (accessed 26.04.2021).

⁵⁷ European Commission of Human Rights: Cyprus v Turkey. Applications nos. 6780/74, 6950/75. Report of the Commission dated July 10, 1976. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-142540.pdf> (accessed 26.04.2021).

⁵⁸ European Commission of Human Rights: Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v Greece. Applications nos. 3321/67, 3322/67, 3323/67, 3344/67. Decision of 31 May 1968. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Denmark_Norway_Sweden_Netherlands_v_Greece_1.pdf (accessed 26.04.2021).

⁵⁹ См. также: Holcroft-Emmes N. Derogating to Deal with COVID-19: State Practice and Thoughts on the Need for Notification. – *EJIL Talk!* April 10, 2020. URL: <https://www.ejiltalk.org/derogating-to-deal-with-covid-19-state-practice-and-thoughts-on-the-need-for-notification> (accessed 26.04.2021).

⁶⁰ См.: COVID-19 и международное право. Обзор публикаций. Выпуск 1, 2, 3, 4. Доступ: <https://iclr.ru/ru/research#sub3> (дата обращения: 26.04.2021).

10. Заключение

В целом доктрина справилась с задачей осмысления феномена пандемии: систематизировала и квалифицировала факты, обнаружила и сформулировала правовые проблемы, предложила их решения. Некоторые из этих квалификаций и решений бесспорны; другие могут быть предметом дискуссии. Отношение доктрины в основном было выражено в постах в интернет-блогах и статьях в онлайн-изданиях. Как правило, речь идет о небольших по объему текстах, авторы которых (часто молодые ученые) реагировали на конкретное событие и соответственно рассматривали один, сугубо практический аспект. Наиболее популярными площадками стали блог Европейского журнала международного права *EJIL:Talk!*, специализированный международно-

правовой блог *Opinio Juris* и электронное издание *Just Security*. Российские правоведы практически не приняли участие в дискуссии, хотя Центр международных и сравнительно-правовых исследований (Москва) подготовил четыре дайджеста западной прессы.

Большинство авторов осмыслили феномен пандемии в рамках действующей системы координат, т. е. применили существующие концепции и режимы и рассмотрели отступление государств от своих обязательств как подпадающее под различные исключения, предусмотренные этими режимами. Мало кто усомнился в целесообразности столь жесткой глобальной реакции и выступил с радикальной критикой; вместо этого были отмечены недостатки отдельных мер и высказаны предложения, направленные на повышение их эффективности.

Список литературы

1. Андросова А., Новикова Т. 2021. Проблемы и перспективы урегулирования споров в рамках Всемирной организации здравоохранения в свете пандемии COVID-19. – *Международное правосудие*. № 2. С. 134–150. DOI: 10.21128/2226-2059-2021-2-134-150
2. Антинуччи М. 2021. Право и экономика в контексте пандемии: ключевое дело ЕСПЧ «Марчелло Виола против Италии». – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. №1. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.77.1.056-064>
3. Батырь В.А. 2020. Разработка международной конвенции о борьбе с опасными инфекционными заболеваниями — требование современности. – *Lex Russica*. № 8. С. 106-123. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.106-123>
4. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. 2018. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6-32. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>
5. Полцин М. 2019. Юридизация чрезвычайного положения: ст. 15 ЕКПЧ и роль Европейского суда по правам человека (I). – *Дайджест публичного права*. Вып. 8. № 2. С. 192–202.
6. Полцин М. 2020. Юридизация чрезвычайного положения: ст. 15 ЕКПЧ и роль Европейского суда по правам человека (II). – *Дайджест публичного права*. Вып. 9. № 1. С. 1–32.
7. Толстых В.Л. 2015. *Международные суды и их практика*. М.: Международные отношения. 504 с.
8. Толстых В.Л. 2018. *Курс международного права*. М.: Проспект. 731 с.
9. Толстых В.Л. 2021. Международно-правовая квалификация конфликта в Нагорном Карабахе. – *Российский юридический журнал*. № 1. С. 83–102.
10. Alvarez J.E. 2020. The WHO in the Age of the Coronavirus. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue. 4. P. 578–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.70>

11. Benoun K. 2020. “Lest We Should Sleep”: COVID-19 and Human Rights. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 666–676. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.68>
12. Benvenisti E. 2020. The WHO—Destined to Fail?: Political Cooperation and the COVID-19 Pandemic. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 588–597. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.66>
13. Creutz K. 2020. China’s Responsibility for the COVID-19 Pandemic. An International Law Perspective. – *FIIA Working Paper*. No.115. 15 p. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/06/wp115_chinas-responsibility-for-the-covid-19-pandemic.pdf (accessed 26.04.2021).
14. Paparinskis M. 2020. The Once and Future Law of State Responsibility. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue 4. P. 618–626. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.60>
15. Desierto D. 2016. Austerity Measures and International Economic, Social, and Cultural Rights. – *Human Rights in Emergencies*. Ed. by E. Criddle. Cambridge University Press. P. 241-276. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316336205.010>

References

1. Alvarez J.E. The WHO in the Age of the Coronavirus. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue. 4. P. 578–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.70>
2. Androsova A., Novikova T. Problemy i perspektivy uregulirovaniya sporov v ramkakh Vsemirnoi organizatsii zdavookhraneniya v svete pandemii COVID-19 [World Health Organization’s dispute settlement in the light of the COVID-19 pandemic: problems and perspectives]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2021. No. 2. P. 134–150. (In Russ.). DOI: 10.21128/2226-2059-2021-2-134-150
3. Antinucci M. Pravo i ekonomika v kontekste pandemii: klyuchevoe delo ESPCh “Marchello Viola protiv Italii” [Law and Economy in the Context of the new pandemic Emergency: the ECHR leading case Marcello Viola v. Italy]

- and the EU law]. – *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021. No. 1. P. 56– 64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.77.1.056-064>
4. Batyr V.A. Razrabotka mezhdunarodnoi konventsii o bor'be s opasnymi infektsionnymi zabolevaniyami — trebovanie sovremennosti [Development of an International Convention on the Control of Dangerous Infectious Diseases — Modern Requirement]. – *Lex Russica*. 2020. No. 8. P. 106–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.106-123>
 5. Bennoun K. "Lest We Should Sleep": COVID-19 and Human Rights. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 666–676. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.68>
 6. Benvenisti E. The WHO—Destined to Fail?: Political Cooperation and the COVID-19 Pandemic. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 588–597. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.66>
 7. Creutz K. China's Responsibility for the COVID-19 Pandemic. An International Law Perspective. – *FIIA Working Paper*. 2020. No. 115. 15 p. URL: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2020/06/wp115_chinas-responsibility-for-the-covid-19-pandemic.pdf (accessed 26.04.2021).
 8. Desierto D. Austerity Measures and International Economic, Social, and Cultural Rights. – *Human Rights in Emergencies*. Ed. by E. Criddle. Cambridge University Press. 2016. P. 241–276. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316336205.010>
 9. Paparinskis M. The Once and Future Law of State Responsibility. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue 4. P. 618–626. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.60>
 10. Poltsin M. Yuridizatsiya chrezvychainogo polozheniya: st. 15 EKPCh i rol' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka (I) [Legalization of the state of emergency: Art. 15 ECHR and the role of the European Court of Human Rights (I)]. – *Daidzhest publichnogo prava*. 2019. Issue. 8. No. 2. P. 192–202. (In Russ.)
 11. Poltsin M. Yuridizatsiya chrezvychainogo polozheniya: st. 15 EKPCh i rol' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka (II) [Legalization of the state of emergency: Art. 15 ECHR and the role of the European Court of Human Rights (II)]. – *Daidzhest publichnogo prava*. 2020. Issue 9. No. 1. P. 1–32. (In Russ.)
 12. Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnye sudy i ikh praktika* [International Courts and their Practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2015. 504 p. (In Russ.).
 13. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Treatise of International Law]. Moscow: Prospekt, Publ. 2018. 731 p. (In Russ.).
 14. Tolstykh V.L. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya konflikta v Nagornom Karabakhe [International legal qualification of the conflict in Nagorno-Karabakh]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2021. No. 1. P. 83–102. (In Russ.)
 15. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Yurisdiksiya Mezhdunarodnogo Suda OON: nekotorye teoreticheskie voprosy [The Jurisdiction of the International Court of Justice: some theoretical issues]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 4. P. 6–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>

Информация об авторе

Владислав Леонидович Толстых,

доктор юридических наук, доцент, научный руководитель Высшей школы права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

About the Author

Vladislav L. Tolstykh,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324